

Сара ГОР

ГОРДАЯ ЛЮБОВЬ

Сара ГОР ГОРДАЯ ЛЮБОВЬ

<https://litres.ru/74635837>

SelfPub; 2026

Аннотация

Амине двадцать. Юридический факультет, дорогая машина у ворот, отец, который уже решил, за кого она выйдет, и репутация неприступной: на ухаживания она смотрит холодно, на женихов — как на мебель, а на разговоры о выгодном браке отвечает дерзостью.

Ислам — сын простого строителя. Кладёт кирпич с восемнадцати, учится на инженера, копит на собственную бригаду и не собирается её «покорять». Однажды он просто пообещал друзьям, что Амина будет наливать им чай в его доме.

С этого спора всё и начинается: чайная на Садовой, колкие ответы, чужая окраина и чувство, в котором ни один из них не готов признаться даже себе. Но между ними не только разница в достатке, а весь порядок, в котором девушка из такой семьи не выбирает сама, и родня, которая этого выбора не простит. Когда на Ислама падает чужое обвинение, Амине придётся решить, чего стоят её гордость, слово отца и собственная правда.

Романтическая драма о любви, которой приходится идти против всех.

Содержание

Глава	4
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сара ГОР ГОРДАЯ ЛЮБОВЬ

Глава

Глава 1

После второй пары третий этаж главного корпуса гудел: студенты у подоконников, у дверей аудиторий, у доски с расписанием.

Амина шла посередине коридора. Люди расступались сами, без её просьбы и без её взгляда. Она и не смотрела по сторонам. Спина прямая, подбородок чуть приподнят, папка с конспектами прижата к боку. Двое первокурсников поздоровались разом, перебивая друг друга, и она кивнула им, не поворачивая головы, так, как кивают знакомым в толпе, где нет времени остановиться.

У окна стояли трое. Один из них, в расстёгнутой куртке, следил за ней взглядом до самой двери аудитории и только потом выдохнул.

— Слышал? — сказал он, оборачиваясь к остальным. — Отец Амины хочет отдать её за сына министра. Вот уж кому повезло.

— Повезло министру, — отозвался Ислам, не поднимая глаз от телефона.

— Почему министру?

— Потому что породниться с Магомедом — это не невесть взять, а половину республики под бок получить.

Руслан хмыкнул и снова посмотрел в конец коридора, где за спинами уже не было видно ни папки, ни прямой спины.

— А Амина-то? Говорят, она на всех женихов смотрит, как на мебель.

— Она никого к себе не подпустит, — Ислам убрал телефон в карман. — Гордая. Как орёл.

Тимур, стоявший к нему ближе всех, толкнул его плечом.

— А ты, Ислам, думаешь, сможешь её сломить? Посмотри, сколько таких, как ты, уже пробовало. И где они?

Ислам поднял голову. Он не смотрел на друзей. Он смотрел в конец коридора, где в толпе мелькнул светлый шарф и снова пропал.

— Я ломать не собираюсь, — сказал он спокойно. — Но обещаю вам: однажды Амина будет наливать нам чай у меня дома.

— У тебя дома?

— Как жена. Моя жена.

Руслан расхохотался и хлопнул его по спине. Тимур качал головой, посмеиваясь, но глаза у него оставались серьёзными. А Ислам всё стоял и смотрел на закрытую дверь аудитории, за которой скрылась чужая, далёкая, недоступная жизнь.

* * *

В читальном зале библиотеки пахло бумажной пылью и старым лаком. За окнами начинало темнеть, лампы над длинными столами горели вполсилы, и от этого зал казался больше, чем был.

Амина сидела одна. Перед ней лежал раскрытый том по

истории Северного Кавказа, рядом — тетрадь, в которой ровным почерком были выписаны имена, даты и названия селений. Она читала медленно, водя пальцем по строке, будто проверяла каждое слово на прочность.

Шаги она услышала поздно. Стопка книг грохнула о край стола, три из них поехали вниз, и одна упала прямо на её тетрадь, смазав свежую строчку.

— Прошу прощения, — сказал парень, наклоняясь за книгами. — Неуклюжий какой-то.

Амина вытянула тетрадь из-под переплёта и подняла глаза. Раздражение она не стала прятать.

— Будь внимательнее. Здесь люди занимаются.

— Вижу. Извините.

Он собрал книги, но уходить не спешил. Поставил их на стол, покосился на раскрытый том, потом на тетрадь.

— Историей края интересуетесь?

— Допустим.

— Я слышал, у вас на лекциях бывает Даурбеков. Он про тейпы рассказывает лучше всех. Могу помочь, если что-то надо найти. Он мой сосед по дому, у него и книги есть, каких в библиотеке нет.

Амина выпрямилась.

— Я сама найду то, что мне нужно. И мне не нужна помощь от человека, который роняет книги.

Он не смутился. Улыбнулся, коротко, одной стороной рта, будто услышал что-то приятное, и пододвинул стопку к краю

стола, чтобы не мешать.

— Справедливо. Тогда, может, я тебе сообщением отправлю информацию по твоей теме? Для этого конечно мне нужен твой номер телефона.

— Нет, — сказала она. — И оставь меня в покое.

— Хорошо.

Он забрал книги и пошёл к выходу, не оборачиваясь. У самых дверей скрипнула половица, и Амина поймала себя на том, что смотрит ему вслед. Парень был в простой рубашке, рукава закатаны до локтя, на ладонях виднелась тонкая сетка старых ссадин. Она перевела взгляд на страницу и не сразу нашла строку, которую читала.

Прошло минуты две. Дверь скрипнула снова, и половица отозвалась тем же звуком. Амина подняла голову, но это был уже другой, с сумкой через плечо, торопливый, к своему столу.

Она вернулась к тексту. Прочитала абзац. Потом ещё раз, с начала, потому что смысл не складывался. Тогда она закрыла книгу и стала собирать вещи.

На выходе библиотекарь, женщина в очках на цепочке, сказала ей вслед:

— Амина, ты бы носила книги в сумке, а не в руках. Одна ведь носишь такую тяжесть.

— Донесу, — сказала Амина.

Она вышла на лестницу. Внизу хлопнула входная дверь, и по бетонным ступеням потянуло холодным воздухом. Ами-

на остановилась на площадке, привычно подтянула шарф и пошла вниз, к машине, которая ждала её у ворот.

* * *

К вечеру собрался дождь. Мелкий, почти невидимый, но асфальт под фонарями блестел, и свет в лужах расплывался длинными жёлтыми полосами.

У ворот стоял чёрный внедорожник. Водитель вышел навстречу и открыл заднюю дверь, а в глубине салона сидел отец: тёмное пальто, телефон в руке, экран подсвечивал лицо снизу.

— Поздно, — сказал Магомед, не поворачивая головы.

— Последняя пара кончилась в шесть. Я потом в библиотеке сидела.

— Я знаю, где ты сидела.

Амина села, пристегнулась, положила папку на колени. Водитель мягко захлопнул дверь и обошёл машину. Дворники качнулись раз, другой, и стекло очистилось от частых мелких капель.

— Что у тебя с расписанием на четверг? — спросил отец, не поднимая глаз от экрана.

— Пары до трёх.

— В четверг в три за тобой приедет Аслан. Поедете в город. Купишь платье.

— У меня есть платье.

— Такие, как надо, у тебя есть. А это другое. К нам в субботу придут гости. Приедет семья Османа со старшим сы-

ном.

Амина смотрела в окно. За стеклом проплывали огни аптек, витрины, чей-то силуэт под зонтом, перебежавший дорогу.

— В субботу я не могу, — сказала она спокойно. — У меня коллоквиум по римскому праву.

Отец наконец поднял голову и посмотрел на неё. Секунду они мерили друг друга взглядами, и первой отвернулась не дочь.

— Поговорим дома, — сказал Магомед и вернулся к телефону.

Через полквартала за спиной у них, у чугунной ограды, стоял парень с пакетом из магазина. Он вышел сюда за хлебом и остановился, когда узнал светлый шарф. Машина мягко тронулась, обдала его тёплым воздухом из-под колёс и ушла вниз по улице, к светофору.

Ислам постоял ещё немного. Он видел, как в заднем окне мелькнул и погас профиль, как машина свернула и пропала за углом, и только тогда пошёл своей дорогой, держа пакет у бедра, чтобы не намок.

«Она живёт в другом мире, — думал он. — У неё машина с водителем, отец, который разговаривает с ней, как с подчинённой, и библиотека, где она сидит одна до темноты».

Домой он шёл быстрее обычного. И всё время возвращался к одной мысли: в этом споре с Русланом было что-то не то. Он сам не заметил, где кончилось хвастовство. Она про-

сто задела его, эта девчонка с прямой спиной и голосом, которым говорят с чужими. Задела, и теперь он думал о ней больше, чем следовало.

* * *

Двор у дома Ислама был завален строительным добром: штабель кирпича под плёнкой, два мешка цемента у стены сарая, вязанка арматуры. Отец всё лето обещал разобрать, да руки не доходили.

Друзья сидели на кухне. На столе дымился чайник, лежал лаваш, стояла банка мёда. Мать Ислама выставила еду и ушла в комнату, к телевизору, и теперь на кухне было трое и можно было говорить громко.

— Ну что, — Руслан вытянул ноги и сцепил руки на животе. — Она оставила свой номер?

— Нет.

— Тогда чего ты лыбишься?

— А я лыблюсь?

— Ты с обеда сам не свой, — сказал Тимур. — То молчишь, то посуду моешь. Скажи прямо, что с ней говорил.

Ислам налил себе чай, подождал, пока заварка окрасит воду.

— В библиотеке к ней подошёл. Уронил книги, извинился, предложил помочь с историей. Она на меня посмотрела так, будто я под стол к ней залез.

— И?

— И выгнала.

Руслан захохотал на всю кухню. Тимур улыбнулся в чашку, но прищур остался внимательным.

— Ислам, — сказал он. — Скажи честно. Тебе интересно с ней? Или тебе интересно доказать, что ты можешь взять то, что никто не взял?

Ислам поставил чашку. Кружка стукнула о дерево, чай качнулся.

— И то, и другое, — сказал он. — Только я сегодня понял одну вещь.

— Какую?

— Дело не в споре.

На кухне стало тихо, слышно было, как в соседней комнате бормочет телевизор.

— Я домой шёл и всё думал: почему я её вообще запомнил? Она ведь мне даже имени своего не сказала. Другие девочки в коридоре смеются, здороваются, а эта... — он искал слово и не нашёл. — Эта сидела одна в пустом зале и читала так, как мы с тобой, Тимур, кирпичи кладём. По-настоящему.

— Ой, — Руслан поставил чашку и поднял руки, будто сдаваясь. — Всё. Пропал человек.

— Замолчи, — без злости сказал Ислам.

Тимур смотрел на него долго, потом отрезал себе лаваш и сказал уже серьёзно:

— Знаешь, что я тебе скажу? Ты парень хороший, только не забывай, чья она дочь. Такие истории у нас плохо конча-

ются.

— Знаю, — сказал Ислам. — Я ничего и не начинаю.
Он сказал это и сам понял, что соврал.

Глава 2

В двенадцатой аудитории пахло мелом и мокрыми куртками. Даурбеков читал историю края без конспекта, расхаживая вдоль кафедры, и на задних рядах переставали переписываться.

Он говорил про обычай гостеприимства, про то, что человек, переступивший порог, становился неприкосновенным, даже если вчера был врагом. Про то, как спор между двумя родами решали старики и их слово весило больше приговора. Про то, что имя отца человек носит не для себя, а для всех, кто его знает.

Амина записывала, не глядя на ручку. Через два ряда кто-то кашлянул, и она узнала этот кашель, хотя слышала его второй раз в жизни. Головы не подняла.

Когда звонок отпустил их и аудитория пошла к выходу, Ислам догнал её у двери.

— Интересная лекция, — сказал он. — Особенно про старших и про то, что слово, сказанное при свидетелях, назад не берут.

Амина посмотрела на него так, как смотрят на человека, который второй раз подходит с одним и тем же.

— Ты за мной следишь?

— Я с тобой на одном курсе. Сiju через два ряда.

— Через два ряда сидят двадцать человек. Я про тебя.

Он не смутился и не отступил. Шёл рядом, в гул и толкотню перемены, не подстраиваясь под её шаг и не отставая.

— Я вот что хотел сказать. В прошлый раз я подошёл не так. В библиотеке не место для разговоров.

— В библиотеке не место для того, чтобы ронять книги. Это ты уже выяснил.

— Выяснил, — согласился он. — Есть чайная на Садовой, за углом от остановки. Там тихо. Сядем, поговорим про лекцию. Как сокурсники. Ничего больше.

Амина усмехнулась, коротко и нехорошо.

— Как сокурсники. В прошлый раз ты просил у меня номер телефона. Теперь чайная. У тебя всё по плану?

— У меня нет плана.

— Тогда зачем тебе это?

Он ответил не сразу.

— Мне интересно, что ты думаешь. Не про лекцию. Вообще.

Вот этого она не ожидала, и это её задело сильнее грубости. Она остановилась у окна, посмотрела во двор, где моросил дождь и студенты шли, подняв воротники.

— Хорошо, — сказала она. — Один раз. Полчаса, не больше. И если ты решишь, что этот чай что-то значит, ты ошибаешься.

* * *

Чайная оказалась маленькой, на шесть столов, с самоваром на стойке и ковром на стене. Пахло чабрецом и сушёным

кизиллом. Амина села спиной к стене, как садилась всегда, положила сумку на колени и демонстративно посмотрела на часы.

— Полчаса пошли.

Ислам заказал чайник и пиалы, потом добавил тарелку с урбечом.

— Я не просила, — сказала она.

— Тогда я сам съем.

— Ешь.

Он разлил чай. Разговор не шёл, и это было ей на руку. Она отвечала односложно, смотрела в окно, где продавщица из соседней лавки закрывала ставни, и ждала, когда он начнёт говорить то, зачем привёл.

Он начал не с того, чего она ждала. Про отца, который двадцать лет кладёт кирпич и никогда не брал работу, за которую не смог бы ответить. Про мать, которая держит дом и всех в нём. Про бригаду, которую он хочет собрать свою, чтобы не ходить до пенсии в чужих.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — спросила она, когда он замолчал. — Я тебя не спрашивала.

— Ты спросила, зачем мне это. Вот я и отвечаю.

— Мне неинтересна твоя биография.

— Я заметил, — сказал он без обиды. — Но ты сидишь и слушаешь. Уйти ты можешь в любую минуту, я говорил.

Амина ничего не ответила. Чай был хорош, и это тоже её злило.

Он отпил из пиалы и поставил её на стол.

— А ты? О чём ты думаешь, кроме того, чтобы выйти замуж?

— Откуда ты знаешь, что я собираюсь замуж?

— В коридоре говорят. Про министра, про Османа, про смотрины.

Амина поставила пиалу резко, так, что чай пошёл через край. Голос у неё стал ровным и очень холодным.

— В коридоре говорят много глупостей. Не повторяй их при мне.

— Хорошо. Тогда без министра. О чём ты мечтаешь?

— Я не обсуждаю свои мечты с человеком, которого знаю 10 минут.

— А с кем обсуждаешь?

— Ни с кем.

Она сама не поняла, зачем сказала это. Слова вышли прежде, чем она успела их остановить, и это было хуже всего. Она отвернулась к окну, к машине под фонарём, из выхлопной трубы которой шёл пар, и добавила уже тише и злее:

— Я не собираюсь выходить замуж по расчёту. Это всё, что тебе нужно знать. Я выберу сама, и это будет мой выбор, а не чей-то ещё.

— И кто же достоин такого выбора?

— Тот, кто увидит во мне человека, а не дочь богатого отца. Кто не будет пересказывать мне коридорные сплетни.

Она сказала это и разозлилась на себя окончательно.

Взрослый, образованный человек, а сидит в чайной и объясняет первому встречному, как ей жить.

— Это не твоё дело, — сказала она. — Забудь.

Ислам не стал ни утешать, ни спорить. Он долил чай ей в пиалу, поставил чайник на место и сказал спокойно:

— Тогда я тебя понимаю.

Амина встала, достала из сумки деньги и положила под пиалу, хотя он потянулся к ним рукой.

— Я за себя плачу сама.

— Я не спорил.

— И не надо.

Она натянула шарф и вышла, не попрощавшись. На улице было холодно и мокро, под фонарём кружилась мелкая водяная пыль, и она шла к машине быстрым шагом, злясь на него, на чай, на себя, а сильнее всего на то, что полчаса прошли, а она не ушла на десятой минуте.

* * *

Прошло три недели, потом ещё две.

Они не договаривались о встречах, и Амина каждый раз говорила себе, что идёт в последний. Так выходило само: после лекции Даурбекова Ислам ждал её у выхода, и они шли в чайную на Садовой, и она садилась спиной к стене и следила за временем. Иногда он приходил в библиотеку со своими чертежами, и они занимались за одним столом молча, и она делала вид, что это её не касается.

Она держала дистанцию, как держат осаду. Отвечала ко-

ротко, обрывала вопросы, находила в его словах глупость раньше, чем он заканчивал фразу.

Однажды он принёс курсовой проект: план двухэтажного дома, нарисованный от руки, с размерами и разрезом.

— Это не учебное, — сказал он, разворачивая лист. — Это я для себя. Здесь кухня, окнами во двор. Здесь комната для родителей, чтобы отдельно, но рядом. Отец сказал: «Красиво, сын, только денег на него пока нет».

— Дом с балконом, — Амина склонила голову набок, будто изучала редкий экспонат. — Осталось найти участок и деньги. И жену, которая согласится в этом жить.

— Жену я найду.

— Удачи.

Он не обиделся, и она опять осталась ни с чем. Палец сам провёл по линиям чертежа, и она убрала руку, когда заметила это.

— А себе ты что оставил?

— Второй этаж. Балкон на восток. Утром солнце.

— Солнце встаёт не строго на востоке. Учи матчасть.

Она сказала это вслух и тут же поймала себя: в фразе не было ни одной причины, кроме желания остаться в разговоре. С тех пор она стала приходить на лекции раньше и садиться у окна, и злилась на себя всю дорогу, и всё равно садилась там же.

Ислам ни разу не намекнул ни на её отца, ни на машину у ворот, ни на разницу между их домами. Спорил с ней про

фильмы, не соглашался, когда она говорила, что в этом городе невозможно жить, рассказывал про бригаду и про то, как отец учил его замешивать раствор «на ладонь». Она слушала это так, будто ей всё равно.

Однажды вечером они вышли из корпуса вместе, и Ислам потянулся за её папкой.

— Я сама донесу, — сказала Амина и прижала папку к себе.

— Я не сомневаюсь.

У ограды стояли двое: Руслан с сигаретой в зубах и Тимур с пакетом семечек.

— Смотри-ка, — Руслан приосанился и кивнул в их сторону. — Ислам уже с папкой ходит. Скоро, значит, и чай пить будем, как обещал.

— У тебя дела есть, кроме как считать, кто с чем ходит? — спросила Амина, не сбавляя шага.

Руслан поперхнулся дымом, Тимур засмеялся.

— Мы обсуждаем учебный материал, — сказал Ислам спокойно. — И да, скоро я позову Амину к себе, чтобы она посмотрела, как строятся настоящие дома.

— Никуда я не пойду, — сказала Амина, и это прозвучало громче, чем она рассчитывала.

— Как это, «настоящие»? — не понял Руслан.

— А вот так. Изнутри.

Тимур посмотрел на Амину и коротко поздоровался. Она кивнула ему без той царственности, которой одаривала ко-

ридорные толпы, и пошла к машине. У самых ворот она обернулась и всё-таки сказала Исламу:

— Завтра лекция в девять. Если опоздаешь, я уйду одна.

* * *

Дома её ждали.

Отец сидел в гостиной, не в кабинете, и это было плохим знаком. Телевизор не работал. Мать сидела рядом и перебирала чётки, по одной бусине.

— Садись, — сказал Магомед.

Амина села в кресло напротив и положила папку на колени.

— Мы знаем, с кем ты проводишь время. Я не буду делать вид, что это меня не касается. Чайная на Садовой, библиотека, коридоры. Люди смотрят и говорят.

— Пусть говорят.

— Не перебивай. Это не тот круг. У его отца руки в ссадинах, и у него самого нет ничего, кроме этих рук. Я не о нём говорю плохо, я говорю тебе правду. Ты должна думать о своём будущем. О нашем имени.

— Я думаю о своём будущем больше, чем вы. Просто у нас разные представления о том, каким оно должно быть.

— Дерзость тебе не идёт.

— Мне идёт многое, что вам не нравится.

Мать отложила чётки.

— Дорогая, — сказала Фатима тихо. — Мы хотим только лучшего для тебя. В субботу ты не вышла к гостям. Осман

приезжал с сыном второй раз. Я не знала, что ему сказать.

— Скажи правду. Что я не выйду и в третий раз.

— Он из простой семьи, — мать словно не слышала её. — Что он может тебе дать? Подумай не о себе. Подумай о том, как ты будешь жить. И как мы будем смотреть в глаза людям.

Амина смотрела на две пары рук: отцовские, гладкие, привыкшие к бумагам, и материнские, в мелких сухих морщинах.

— Он мне ничего не даёт, — сказала она. — Я у него ничего не прошу. Он единственный за много лет, кто говорит со мной, а не с моим отцом. Этого достаточно, чтобы я сама решала, разговаривать мне с ним или нет.

— Ты понимаешь, что ты говоришь?

— Понимаю лучше вас.

Магомед поднялся. Он был человек, который никогда не повышал голоса, и от этого его спокойствие действовало сильнее крика.

— Ты закончишь это, — сказал он. — Не сегодня, так потом. Но закончишь. Я не буду повторять.

— Как скажете, — ответила Амина. — Но завтра в девять у меня лекция, и я на неё поеду.

Она поднялась и вышла, не дожидаясь, пока он найдёт слова. Фатима окликнула её, но она не обернулась. В своей комнате она села на кровать, поставила папку на колени и долго смотрела в занавешенное окно, злясь на отца, на мать, на весь этот дом и сильнее всего на то, что где-то в середи-

не разговора поймала себя на мысли: пусть Ислам завтра не отступит.

Глава 3

Приглашение прозвучало в пятницу, в коридоре, между парами, когда она меньше всего его ждала.

— Приезжай завтра, — сказал Ислам. — Мы с бригадой кладём второй этаж по улице Осканова. Отец на другом объекте, так что работать будем с Русланом и Тимуром.

Амина остановилась.

— То есть ты приглашаешь меня на стройку.

— Я зову тебя посмотреть, чем я живу. Или боишься, что тебе понравится?

— Посмотреть, чем ты живёшь, — повторила она медленно. — Ты вообще думаешь, что говоришь?

— А что не так?

— Всё не так. Меня увидят твои рабочие. Увидят соседи, которые стоят у заборов. К вечеру об этом будет знать половина города, а к утру — мой отец. Ты об этом подумал?

— Подумал, — сказал он. — Я просто хотел, чтобы ты увидела, как я работаю.

— А мне это зачем?

Она понимала, что говорит слишком громко, и не могла остановиться.

— Я не девушка из твоей бригады, Ислам. Не путай.

Он молчал, и это молчание она приняла за согласие.

— Больше не подходи ко мне, — сказала Амина и пошла.

Прозвенел звонок. Оглядываться она не стала, а у окна в конце коридора стоял Ахмед и смотрел ей вслед с таким лицом, будто услышал всё, что хотел.

* * *

Неделя прошла, потом вторая.

Ислам не подходил. На лекциях он садился у двери, а не через два ряда, уходил первым и ни разу не посмотрел в её сторону. Амина говорила себе, что так и должно быть, и сидела у окна, и злилась на себя всю дорогу до дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.